

Сведения об авторе

Возгрин Валерий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории Нового и новейшего времени, Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: vozgrin60@mail.ru

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII–КОНЕЦ XIX В.) /ЧАСТЬ II*/

Резюме

В статье поднимается вопрос отношения российских властей к национальным меньшинствам Крымского полуострова — крымским татарам и немецким колонистам - во второй половине XIX века. Освещается процесс насильственного переселения крымских татар в ходе Крымской войны с прибрежной полосы вглубь полуострова из опасений возможного их перехода на сторону противника, а также делается вывод о жестокости и бессмысленности этой акции. Наряду с этим, в ходе военных действий имели место репрессии против коренного населения предгорной части полуострова, что спровоцировало активную эмиграцию крымских татар в Турцию. Покинутые татарами земли с 1860 г. были отданы под заселение немцам, переселенцам из других областей Российской империи и Германии. Автор раскрывает механизм количественного роста немецких хозяйств в Крыму, в частности, за счет влияния миноратного права. В тексте приводятся описания жизни и быта немецких колонистов и крымских татар, обсуждается вопрос всеобщей воинской повинности, закрепленной за ними с 1874 г. и вызвавшей массовую эмиграцию татарского населения страдавшего, как и немцы, от русификаторской политики императорской администрации, начавшей проводиться с воцарением Александра III.

Ключевые слова: Крымский полуостров, крымские татары, немецкие колонисты, рекрутская повинность, политика русификации.

* Часть I статьи В. Е. Возग्रин опубликована в Трудах кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 29–53.

Information about author

Vozgrin Valeri Evguenievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of History, Saint-Petersburg State University, the Chair of Modern and Contemporary History, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: vozgrin60@mail.ru

**GERMAN COLONISTS AND CRIMEAN TATARS
IN THE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
(18th - LATE 19th CENTURY)
/PART II/**

Abstract

The article raises the question of the attitude of the Russian authorities towards national minorities of the Crimean peninsula, Crimean Tatars and Crimean colonists, in the second half of the 19th century. The author describes the process of forced resettlement of Crimean Tatars during the Crimean War from the coast deep into the peninsula dictated by fear of their possible transition to the enemy and makes conclusion of the cruelty and senselessness of this action. Along with this, in the course of hostilities took place repression against the indigenous population of the peninsula foothill, which provoked an active emigration of Crimean Tatars in Turkey. Lands left by Tatars were given since 1860 under settlement of German migrants from other areas of the Russian Empire and from Germany. The author reveals the mechanism of quantitative growth of the German economy in the Crimea, in particular, due to the influence of minorat rights. The text contains descriptions of everyday life of the German colonists and the Crimean Tatars, discusses conscription, assigned to them since 1874 and caused the mass migration of the Tatar population, suffered as Germans from the policy of Russification of the imperial administration held after the accession of Alexander III to the throne.

Keywords: Crimean Peninsula, Crimean Tatars, German colonists, conscription, Rusification policy.

Крымская война стала, как известно, тяжёлым испытанием для России не только в плане военно-технической отсталости империи. В связи с отсутствием железных дорог, ведущих в Крым, важнейшей проблемой стало использование местных ресурсов. Немецкие колонисты Тавриче-

ской губернии составляли тогда около 7% ее населения и были третьей по численности этнической группой после татар и русских. Их колонии, как писали русские современники, уже тогда, всего через несколько десятков лет после переселения, представляли собой «отрадное явление, на всем была видна печать просвещенной заботливости, аккуратности, вознагражденного труда» [25]. И, что сыграло большую положительную роль в годы Крымской войны, эти экономические комплексы отличались от всех иных высокой производительностью, прежде всего продуктов питания, а их хозяева – готовностью всемерно помочь своему новому отечеству в тяжёлом военном положении.

Один русский офицер, направлявшийся с войсками под Севастополь, отмечал: немецкие колонисты «любят новое отечество свое, как любим его мы, его исконные дети, и готовы для него, подобно нам, пожертвовать всем добром своим» [25]. Наряду с крымчанами других национальностей, прежде всего татарами, немцы оказали большую помощь российской армии, поставляя бесплатно или за минимальную плату фураж, продовольствие, подводы и лошадей для доставки боеприпасов, продуктов, обмундирования, перевозки раненых. Немецкие женщины приняли на себя обязанности сестер милосердия, местное население помогало армии продуктами, способствовало лечению раненых, перевозке солдат, оружия, провианта. Подсчитано, что колонисты держали в своих домах до полного выздоровления около 5 000 российских раненых. Десять крымских немцев получило за эту и иную помощь во время войны высокие государственные награды [14, с. 49, 50, 53].

Что же касается татар, то, несмотря на их воинские подвиги во время войны 1806–1812 гг. и в Отечественной войне 1812 гг. [6], царские власти не могли представить себе, что коренной народ завоёванного империей Крыма искренне не желает вмешиваться в политику и никогда не поддержит противника России, кем бы он ни был. Поэтому серьёзные опасения в возможности перехода крымскотатарских масс на сторону неприятеля, конечно, имелись. Причина проста: учитывая, какие бедствия и издевательства вытерпел коренной народ на протяжении 70 лет после аннексии, это было бы только закономерностью. Поэтому ещё осенью 1854 г. было проведено выселение крымских татар с прибрежной полосы вглубь полуострова на расстояние минимум 25 вёрст, а также в российские губернии, далеко за Перекоп.

Не говоря уже о моральной стороне этой акции, она была столь же жестокой, сколь ничем не спровоцированной и бессмысленной. Точнее,

пагубной, в частности и для обороны Крыма, причём настолько очевидно, что об этом говорили и простые армейские офицеры: «Нельзя не опасаться, что переселение в глубокую осень на голые степи и неправосудное отобрание рабочего скота... приведёт их (т. е. татар — В. В.) в отчаяние и превратит в злейших и даже опасных врагов нам, особливо при неблагоприятной перемене военных обстоятельств» [33, л. 16]. Тем не менее, депортация была проведена с беспощадной доскональностью, столь характерной для стиля административного режима Николая I. Через много лет после окончания войны было отмечено, что «в губерниях: орловской, курской, полтавской, екатеринославской и херсонской [оказалось] множество несчастных татар, преимущественно из числа вполне невинных... заброшенных вдаль от своих семейств и родных в положение, которому едва ли позавидует и ссыльный в Сибири» [20, с. 606].

Депортация сопровождалась и более жестокими репрессиями. Так, совершенно безвинных даже с точки зрения русской администрации, но авторитетных среди населения граждан (прежде всего мулл) подвергали тюремному заключению. Приведу один пример. Известного сакского муллу Кемаля-эфенди бросили в темницу, несмотря на то, что «...общие отзывы христиан и татар [о нём] очень хороши, — сообщал современник, — а выпустить его не могут под предлогом, что при арестовании взяли у него много бумаг, которые не разбирая отослали гражданскому губернатору, в канцелярии которого оне вероятно пролежат ещё долго без рассмотрения» [34, л. 8 об.].

В 1858 г. в канцелярии генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского была составлена «Записка о неправильно высланных из Крыма татарах». Согласно этому документу крымским властям *дозволялось* (не предписывалось!) «возвратить в Крым неправильно высланных во время миновавшей войны в Курскую губернию пять человек Татар д. Алушты: Умера Мурат-оглу, Ибрагима Мурат-оглу, Асана Абдурамана-оглу, Аджи-Умера Мустафа-оглу и Амет-Асана-оглу. Во время минувшей войны по политическим обстоятельствам были высланы из Крыма в Курскую губернию помещики Феодосийского уезда Аметчи-мурза Кокуватский, Султан Мубарак-Гирей, и Феодосийского уезда кадий Сеит Смаил-эфенди, которые по заключении мира в Крым не возвращены, а оставлены на жительство в Мелитопольском уезде. По общественному мнению за ними нет вины, заслуживающей удаления их из Крыма, от семейств и от имений, подвергающихся разорению по отсутствию владельцев». Тут же приводились данные о тщетности ходатайства по пово-

ду репрессированных мурз, отправленного Таврическим предводителем дворянства [32, л. 1–2].

Между тем, оставшиеся в Крыму татары помогали российской армии, чем могли. Примеров таких сотни, приведём лишь один. Князь Мемет-бей Балатуков пожертвовал в апреле 1855 г. строительный камень на возведение Аблемитского моста через о. Донузлав, стратегически необходимого для передвижения российских войск. После занятия Евпатории союзниками, он «был требуем неприятелем для услуг, но... жил в своём имении Мамай... и всеми мерами старался удержать татар от беспорядков...» Затем он нашёл возможность переправить в действующую армию под Севастополем «7 000 пудов сена и для войск у Евпатории 200 саженой соломы», кроме того, «после дела (то есть военной операции – *В. В.*) 5 февраля 55 бывшего под Евпаторией дом свой в дер. Мамай с мебелью и всеми удобствами отдал для помещения раненых в полное распоряжение ген. Хрулёву, сам же с семейством переехал в другую деревню, совершенно неустроенную» [22, с. 31].

По-настоящему оценить жертвенную помощь русской армии, оказанную князем и его соотечественниками можно, лишь учитывая, что жители евпаторийских сёл сами оказались в 1854 г. в крайне бедственном положении благодаря той же армии. Как рапортовал 06. 10. 1854 г. генерал-адъютанту И. В. Анненкову майор Гангардт, «...чрезвычайный сбор подвод лишил всю эту часть Таврической губернии возможности засеять поля и даже убрать жатву, значительное количество коей осталось на полях» [34, л. 2–2об.]. Впоследствии за свои заслуги в годы войны князь М. Балатуков был вполне закономерно награждён орденом Св. Анны 3-й степени.

Когда же к оккупированной части полуострова подошли российские солдаты и, главное, казаки, то крестьяне, помнившие старый, горький опыт общения с этими башибузуками, в панике оставили свои жилища, ища безопасности, кто за стенами Евпатории, кто ещё дальше, за рубежом. За несколько недель вся территория к югу от Сары-Булата опустела: «все сёла той части Евпаторийского уезда, — писал свидетель, — брошены жителями, большие стада домашнего скота, бродя по степям, сдыхают от голода и жажды» [34, л. 2 об.–3 об.]. Спасти этот столь необходимый не только мирным жителям, но и русской армии скот оказалось невозможным даже силами населения соседнего, не оккупированного Перекопского уезда, — там «все чиновники и жители [были] заняты препровождением войск доставкой им продовольствия; вдобавок фуражно-

го довольствия недостаёт у них и для того скота, который они имеют». Кстати, именно по причине этого кризиса весь северо-запад полуострова пришлось исключить из числа регионов, куда намечалось ссылать второй эшелон береговых жителей — крымских татар: «до того времени весь край успеет превратиться в пустыню, заражённую трупами павшего скота», — сообщал уже упоминавшийся майор Гангардт [34, л. 2 об.—3 об.].

Примерно такая же картина наблюдалась и в предгорной части полуострова, контролировавшейся российскими частями. Однако репрессии наблюдались и здесь, причём кое-где они обрели отчётливо геноцидные черты. Мало того, что проводились массовые аресты и депортация местного населения, но казаки и солдаты стали выжигать жилища крымских татар. Уничтожение крымскотатарских сёл началось здесь буквально с первых дней военных действий. Сразу же после Альминского сражения, обозлённые позорным поражением «отступавшие русские сжигали татарские деревни, в том числе такую крупную как Бурлюк» [48, с. 65]. Бесчинства солдатни и казаков, русской армии в целом достигли таких масштабов, что о них стало известно и за рубежом. Российская пресса в отличие от английской хранила по этому поводу мертвое молчание, лишь много лет спустя коснувшись такой «закрытой» темы, как страдания крымских татар во время оккупации, да и то весьма кратко и без подробностей, очевидно решив пощадить нервы читателей, у которых в противном случае «волосы станут дыбом» [16].

Некоторые села послали гонцов в Симферополь, прося защиты от мародёров. Лишь через несколько месяцев здесь появились летучие уральские и донские казачьи сотни, отчего татары, что называется, попали из огня да в полымя. Теперь стали мародёрствовать казаки, причём в селах на периферии и даже вне оккупированной врагом территории. Это происходило в степной части полуострова, особенно уязвимой и трудно восстанавливаемой в случае нарушения традиционной модели хозяйствования. В первую очередь это касалось хозяйств небогатых или среднего размера.

Если пропажа десятка коней мало что значила для богатого помещика-скотовода, то даже зажиточный татарский крестьянин терпел при этом катастрофу. Причина понятна: в садоводческих или хлебоборных районах хозяйство за несколько лет можно было упорным трудом восстановить. Другое дело в степи, где преобладающим было скотоводство. Такое чудо случалось редко из-за самой специфики хозяйства, — ведь чтобы достать и вырастить молодой скот нужны годы и годы. Именно поэто-

му «степняк, разорившись однажды, поправляется нескоро, а иной на всю жизнь остаётся бедняком, живя кое-как за счёт других...» [12, с. 485]. Ну, а уж беднота была поставлена уральцами и донцами на грань голодной смерти: они не только забирали скот, но и «беззастенчиво опустошали, если удавалось отыскать, хлебные ямы» [44]. **Угнанный скот казаки сбывали** своим же интендантам как «отбитый у неприятеля», получая за это вознаграждение.

Жизнь татар стала невыносимой и в 1856–1862 гг. в очередной раз произошёл их массовый исход. Во время этой волны эмиграции только в 1860 г. из Крыма в Османскую империю прибыло около 100 000 крымских татар, а за весь период бегства, по иным сведениям — около 600 000 человек [13, т. 1, с. 420]. Но оставило родину гораздо большее число татар. Множество их не добралось до Турции, осев на Кавказе или погибнув в результате кораблекрушений – по некоторым подсчётам только в море нашло свою могилу 60 000 крымских татар [15, с. 115]. После завершения эмиграции, в Крыму и примыкавших к нему степях осталось 102 951 местных жителей [20, с. 635]. При этом некоторые уезды, например, Перекопский, опустели совершенно, брошенными оказались 600 только крупных сёл. Соответственно освободились крымскотатарские пахотные земли, выпасы, утратили своих хозяев виноградники и фруктовые сады, начавшие быстро приходить в одичание. Поэтому по инициативе российского правительства в 1860-х гг. **начинается** второй этап заселения полуострова, и прежде всего – немцами.

Теперь первыми в Крым прибыли немецкие переселенцы из материковой части Украины, в меньшей степени – из Германии. Они оседали на бывших татарских землях, получая их бесплатно. Но шли в гору и старые крымские колонисты – местная администрация уступала им брошенные угодья за чисто символическую цену. Крымский историк, ставший свидетелем этого процесса, сообщает, что «немецкие колонисты и менониты в Таврической губернии, в том числе и колонии Феодосийского уезда... в последние годы (то есть, до 1865 г. – *В. В.*) приобрели в одном Феодосийском уезде 30840 десятин земли, притом лучшей, при бывших татарских деревнях: Окречь, Ички, Япунджа, Аблеш, Ислям-Терек, Киянлы, Ак-Кобек, Булганак, Карабай, Мингермен, Акчора, в урочище Айсава и Токлук, в долине Отуз...» [28, с. 194]. К указанному 1865 г. в Крыму насчитывалось 45 больших и малых немецких селений. Это были колонии, владельческие и общинные деревни, одна казенная деревня и один

хутор. Половина из них приходилась на Феодосийский уезд, остальные – на Перекопский, Евпаторийский и Симферопольский уезды [19].

Росту численности колоний содействовало господствовавшее в немецкой среде миноратное право, то есть принцип неделимости первоначального владения между двумя или несколькими наследниками (принцип *фидеикомисс*). Этот надел после смерти владельца получал его младший сын; земельная недвижимость оставалась из поколения в поколение неприкосновенной, её нельзя было даже заложить, не говоря уже о продаже. И лишь благоприобретённые, то есть новые земли могли отчуждаться от изначального хозяйственного массива – с целью передачи или завещания их старшим сыновьям, например [47, с. 136]. Но эта практика наследования не была распространена. Обычно старшие сыновья, которых называли «безземельными» (*die Landlosen*), скопив какой-то капитал, а часто и пользуясь поддержкой младшего брата, уходили на новые места, где можно было арендовать землю или купить её по недорогой цене. Такие возможности появлялись. Например, когда менониты Перекопского уезда массово эмигрировали в США и Канаду (о них ниже), то безземельные скупили эти степные, сравнительно дешёвые земли, сумев оросить их и разбить сады и виноградники. Таким образом, уже в середине XIX в. из 3 624 безземельных колонистов 74% жило вне материнских колоний, на арендованных или приобретённых вскладчину у разорвавшихся русских помещиков участках [2, с. 240]. В 1860 г. они обладали в Перекопской волости 633 десятинами, в 1870 – 15 262, а в 1887 – уже 34 600 десятинами [18, с. 19].

Впрочем, не заинтересованные в уходе старших братьев из колонии, младшие покупали им 1–2 десятины для строительства дома и заведения огорода (вариант – так называемые «ремесленные» участки площадью в 12 десятин), после чего владельцы последних становились сельскими кузнецами, плотниками или слесарями-ремонтниками. Первые же служили по найму у «полных», то есть обладавших первоначальным наделом односельчан, нередко – у своего младшего брата. Все они получали статус «соседей» (*die Anwohner*), не являясь членами общины. Но, не имея права голоса на сходах, они пользовались частью общинных сооружений – дорогами, колодцами, прудом и т.д.

Что же касается младших братьев, то они не получали не только привилегии на право наследования, но и связанные с ним обязанности. Так, кроме оказания упоминавшейся материальной помощи старшим братьям, молодой владелец должен был содержать своих одряхлевших родителей,

а часто – и незамужних сестёр. В целом же миноратное право оказало решающее влияние на количественное увеличение немецких экономий в Крыму, которое затем становилось качественным за счёт крепнувших хозяйств бывших «безземельных». Такой процесс был бы невозможен при господстве майоратного права (передача старшему брату хозяйства, в котором продолжали работать младшие), установленного в целях сохранения большой семьи, рода.

Нужно признать, что миноратное право было объективно полезным для экономики колонистов – противоположные примеры мы видим в бесконечно дробящихся, лишённых стимула к укрупнению производства, соседних хозяйствах русских, болгар или греков. Любопытно, что немцы Поволжья переняли традиции соседних крестьянских общин с их регулярными переделами земель сельского «мира». Ни к чему хорошему это не привело: не будучи заинтересованными в бонификации переделных участков, они истощали их, а подушное распределение земель вело к измелчанию наделов, что тормозило интенсификацию сельского хозяйства и накопление капитала, необходимого для расширенного производства [11, с. 141].

Вторая черта, характерная для немецких колоний и необычная для сельского Крыма: создание так называемых Комиссий сельского хозяйства. Это были выборные органы, создаваемые с целью оптимизации экономической и социальной активности колонистов в соответствующих округах. Анализ структуры и деятельности Комиссий выявляет их крайнюю схожесть с почти аналогичными комиссиями, появившимися в 1760-х гг. в аграрном секторе Дании. Там крестьяне под руководством аграриев-профессионалов и ведущих политиков королевства оптимизировали сельское хозяйство страны. За полвека они вывели его, из числа неконкурентоспособных на одно из первых мест в Европе благодаря сети производственных и сбытовых кооперативов, общества селекционеров и т.д. Опыт датских комиссий был вскоре заимствован в качестве образца сельскими обществами ряда стран, в том числе и немецких¹. Крымские комиссии также искали пути к интенсификации сельскохозяйственного производства за счёт селекции семян, корнеплодов, сортов винограда и фруктовых видов, пород тяглогового, мясного и молочного скота, совершенствования орудий труда, перехода на передовые системы севооборота и т.д. Важной частью работы крымских Комиссий стало издание бесплатных библиотечек на немецком языке, состоявших из серии брошюр,

каждая из которых была посвящена одной из актуальных проблем частного хозяйства

Иностранные и русские путешественники отмечали высокую производительность и техническую культуру труда в немецких колониях Крыма². Как упоминалось выше, в ряде колоний крымского предгорья и Восточного Крыма было развито виноградарство и садоводство. Характерным примером в этом отношении может служить колония Розенталь (Симферопольский уезд). Здесь немцы выращивали товарные фрукты не только в садах самой колонии, но и на лесных чаирах³, заимствовав эту хозяйственную систему у местных татар. От них же поселенцы брали черенки для разведения шелковицы – листовой для шёлкоткацких мануфактур и столовой «стамбулки». В степной же части полуострова колонисты занимались почти исключительно земледелием, культивируя яровые и озимые пшеницу и ячмень, а также кормовые овёс и кукурузу, столовый картофель. При этом они вскоре отказались от привезённых с собой сортов злаковых, предпочитая местные, оптимально районированные. Так, например, ими были заимствованы крымскотатарские сорта озимого и ярового ячменя Кузлук-арпа и Язлык-арпа, озимой пшеницы «усатая крымская», яровой «красная гирка», а также кукурузы сорта Мисир-богдай (Египетская кукуруза), отличавшиеся высокой урожайностью [51, s. 396].

Минеральные удобрения стали использоваться лишь к концу века, а органические – с самого заселения. При этом коровий и конский навоз хранили, по местному обычаю, в штабелях-*серпанах*, а золу – в буртах под навесами. Поля тщательно обрабатывались современными плугами и бородами. При этом сабан (чёрный пар) не оставлялся на произвол судьбы, а несколько раз за лето переворачивался плугом, благодаря чему уничтожались сорные травы. Поэтому неурожай на немецких полях были крайне редким явлением. Основную часть урожая довольно рано стали убирать жатками иностранных систем, неудобья и поля с кормовыми травами обкашивали вручную, косами. В качестве универсального транспорта с 1830–1840-х гг. использовались «немецкие фургоны», представлявшие собой усовершенствованные татарские мажары («мажарвагены»), окованные железом. На них для перевозки лёгких, но объёмных грузов вроде сена или соломы устанавливались дополнительные деревянные борта ажурной конструкции. После Крымской войны немецкие фургоны распространились по всей Украине.

При необычно обильном урожае в страду использовался наёмный труд. Подёнщиков отбирали на сезонных рынках рабочей силы. Наиболее

известным центром такого рода являлся феодосийский – туда приходили косцы из Украины и даже Центральной России. Впрочем, после того как с 1870-х гг. в колониях распространилась жнейка хортицкого завода Леппа и Вальмана, наёмный труд практически перестал использоваться. Собранный хлеб сушили под навесами, затем молотили при помощи скота: лошадей гоняли на корде, прикреплённой к вертикальному столбу в центре тока, на который она наматывалась (затем, соответственно, разматывалась) или рубчатых катков, тёсанных из камня местными мастерами – татарами из Кутлака и близлежащих судакских сёл. Там же покупали жернова для мельниц – ветряных или водяных; первых было особенно много вблизи Евпатории и Джанкоя, вторых – в карасубазарских колониях [52, с. 44–45].

Виноделие занимало второе место после зерновых. Впрочем, имелись и чисто винодельческие хозяйства вроде Судакской колонии, основанной швабскими немцами и специализировавшейся в первое десятилетие XIX в. К концу же столетия одним из крупнейших виноделов Крыма стал также швабский немец Шталь, имевший виноградники площадью в 125 000 десятин в Судаке, Гурзуфе, Севастополе и Балаклаве. Много вина поставляли на рынки также колонии Кроненталь и Нейзац, а с середины 1880-х гг. – и виноделы Перекопской волости (впоследствии опыт степного виноградарства был прочно забыт). Близ почти каждой колонистской усадьбы или хутора разбивался огород и баштан, на которых выращивались все известные в Крыму столовые овощи и бахчевые. Часть овощей сбывалась на городских рынках, при этом высоко ценился картофель колоний Цюрихталь и Гейльбрун. В степной же части полуострова колонисты успевали собирать по два, а то и три урожая картофеля за сезон. При этом, как с удовлетворением отмечал главный судья Конторы опекунства С. Х. Контениус, каждый раз собранные корнеплоды вдесятеро превышали объём высаженных [2, с. 240].

Поскольку в хозяйствах была постоянная нужда в тягловом скоте, то колонисты уделяли ему внимание с первых лет прибытия. С волами никаких трудностей не возникало – они прекрасно подходили к крымским условиям почвы и климата. А в качестве молочного скота в Крыму, а позднее и на Украине распространилась выведенная колонистами красная немецкая корова, неизменно награждавшаяся медалями на выставках. Необычной была проблема с лошадьми, так как крымские татары традиционно не считали коня рабочим скотом. Это был почти близкий друг, которого можно было использовать лишь под седлом для поездок, в

крайнем случае – для необременительного обмолота зерновых. Извещённые об этом, будущие колонисты брали с собой и лошадей, в основном тяжелозовов фрисландской и нормандской пород. Однако впоследствии это стадо было сознательно разбавлено местными и орловскими верховыми породами; полученный гибридный тип «немецкой лошади» отличался как выносливостью в хомуте, так и вполне сносными качествами верхового коня. Справедливо отмечено, что российское правительство «не раз, особенно в тяжелые для государства годы (Крымская кампания, Первая мировая война), безвозмездно или за определенную плату брало лошадей в немецких колониях Таврической губернии. В годы Первой мировой войны офицеры-ремонтники не раз говорили, что «если бы не “немецкие лошади”, отличавшиеся большой выносливостью, пришлось бы покупать лошадей за границей» [18, с. 19].

В качестве тягловой силы разводили, кроме упоминавшихся волов, буйволов и верблюдов местной породы, некогда вывезенных из Центральной Азии [27, с. 337–338]. Разведение коз и, особенно, овец, характерное для первых десятилетий после иммиграции немцев в Крым, впоследствии практически сошло на нет, чего нельзя сказать о свиноводстве. Практически в каждом хозяйстве был свинарник с прилегающим огороженным двором. Однако до товарного производства эта отрасль не доросла – слишком велик был спрос на свинину в самих колониях и она шла для собственного потребления.

В целом же немецкие селения Крыма поражали своей ухоженностью – особенно в сравнении с другими деревнями и сёлами. Они представляли собой миниатюрные города, внешне чрезвычайно похожие, как уверяли путешественники, на аккуратные «гроссдорфы» Рейнской долины. Для колоний были характерны правильно распланированные улицы, каменные дома, покрытые черепицей. В центре, как правило, стояли школа и храм. Практически все колонисты были грамотны. Уже в 1860-х гг. в Крыму насчитывалось 180 сельских немецких школ, два центральных училища — Нейзацкое и Цюрихтальское, женская гимназия. Для продолжения образования дети отправлялись в Германию [10].

В упоминавшейся колонии Кроненталь в начале XX в. бросался в глаза даже внешний вид домов и улиц. Современники сходились во мнениях относительно того, что «деревня имеет аккуратный вид, чистые домики, внутри – чистота и порядок, есть мощёные улицы. Две церкви – католический костёл и протестантская кирха. При церквях – две школы, имеется ссудо-сберегательное товарищество, кооператив с 6-ю лавками, зем-

ская больница и земской ветеринарный пункт. Не хуже живут эстонцы. А русские деревни той же (Булганакской – В. В.) волости представляют собой полную противоположность, поражают своей бедностью Николаевка, Васильевка, Русский Бодрак и др. Крестьяне здесь в основном мало-земельные. Землю снимали за скопщину у частных владельцев, земская школа ютилась в двух холодных крестьянских избах. Нет помещения для учителей, которые меняются каждый год. Такое же отношение к церкви и священнику. В церковь ходят лишь для крестин и венчания. Николаевцев так и называют “безбожниками, безобразниками”» [8].

Первоначально колонисты возводили свои дома по примеру местных татар из самана (необожжённые кирпичи из глины, смешанной с соломой и кизяком) или, в предгорье, из неотёсанного бута. В конце XIX в. с ростом благосостояния колонистов эти материалы сменил пиленый ракушечник, добывавшийся главным образом в евпаторийских Мамайских каменоломнях. Крышу вначале крыли также по татарскому примеру соломой, но впоследствии перешли на прямоугольную черепицу-«марсельку». Впрочем, и здесь сказалось местное архитектурное влияние: типично немецкие островерхие кровли быстро исчезли, став гораздо более плоскими и часто односкатными.

В то же время немецких колонистов затронули известные всероссийские аграрные реформы первой половины 60-х гг. XIX в. А с 4 июня 1871 г. вступило в силу «Правило об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)», причём казённые земли отпускались им на льготных условиях, по чисто символической цене – 2,50 руб. за десятину [35, л. 20]. Теперь они были причислены к разряду освобожденных от крепостничества *поселян-собственников*. Однако именно в эти годы произошло изменение в российском законодательстве, которое послужило причиной начавшейся эмиграции бывших колонистов из Крыма в Америку. Речь шла о воинской повинности.

Ранее колонисты от этой повинности были освобождены согласно Манифесту Екатерины II от 28 июля 1763 г. Эта льгота была позднее подтверждена Правилами от 20 февраля 1804 г. о колониях и ещё более поздним Рекрутским уставом⁴. Однако поражение в Крымской войне заставило правительство принимать меры по укреплению армии, в том числе искать внутренние резервы для увеличения численности личного состава. Поскольку же общее число немцев-колонистов, годных к несению службы, в середине XIX в. составляло 180 000 чел. [30, л. 690-691], то на них и было обращено внимание реформаторов. В 1860-х гг. их комиссии собирались неоднократно

но, но окончательное решение было принято лишь в 1871 г. Согласно изменённому Рекрутскому уставу поселенцы были разделены на три разряда:

I. Избавленные навсегда от рекрутской повинности как натуральной, так и денежной;

II. Избавленные от повинности пожизненно вместе с их детьми, родившимися по 1871 г. включительно;

III. Менониты, поселившиеся в России до 18 декабря 1861 года и по истечении 20 лет обязанные вносить «рекрутский» денежный сбор – вместо службы в армии [31, л. 157–158].

Самой серьёзной проблемой, поставившей под вопрос само нахождение немцев на территории империи, стало утверждение в январе 1874 г. нового Устава о воинской повинности.

Свобода от воинской повинности была особенно важной для менонитов, мирная вера которых не позволяла им держать в руках оружие. В последний раз эта льгота была закреплена высочайше утверждённым 18 декабря 1861 г. Мнением Государственного совета, согласно которому от воинской присяги полностью освобождались «лица, не приемлющие оной по их вероучению», для которых служба могла заменяться работой [35, л. 4]. Однако через несколько лет местные воинские комиссии стали заносить немцев в общие приписные списки, отчего уже осенью 1871 г., в период пребывания императрицы Марии Фёдоровны в Крыму, ей было передано прошение менонитов о возрождении старой льготы. При этом немцы соглашались на денежное возмещение такого освобождения. Но в ноябре 1872 г. в прошении было отказано. И менониты стали продавать свои земли, готовясь к эмиграции, невзирая на то, что ещё в 1871 г. была принята мера против уклонения от призыва в армию, в том числе путем эмиграции. Поэтому было запрещено покидать колонии лицам от 15 до 22 лет. То есть, немецкие поселенцы были лишены права эмигрировать [31, л. 356 об.].

Но продолжавшаяся подготовка их к исходу обеспокоила генерал-губернатора, командующего войсками Одесского военного округа П. Е. Коцебу, составившего специальную докладную записку на высочайшее имя. В ней он указывал, что в случае выезда столь крупной группы немцев-поселян (40 000 душ обоего пола), обрабатываемые ими земли вновь станут бесплодными, а казна лишится значительной податной суммы. Поэтому генерал-адъютант предлагал: « 1. Даровать водворённым в России менонитам льготу на 12 лет; 2. Постановить, чтобы по истечении льготного срока менониты, подлежащие призыву, были назначаемы лишь

на служительские должности при госпиталях на Юге России, мастерами и техниками в заведении Морского ведомства в Николаеве и т. д.; 3. Группировать их в известных пунктах для поддержания духовного общения», поскольку они считают несение воинской службы «равносильным принуждению сменить свою религию» [36, л. 2 об. – 3 об.].

Записка П. Е. Коцебу возымела некоторое действие – согласно утверждённому 1 января 1874 г. Уставу о воинской повинности менониты получали отсрочку на 6 лет, а затем их ждала общая судьба. Но 12 августа царь полностью освободил от воинской повинности большую часть единоверных ему крымских болгар: «болгарские поселяне собственники, водворившиеся в 1861 и 1862 годах, должны пользоваться с наличными при водворении сыновьями, пожизненной льготой от воинской повинности» [37, л. 2.]. Эта явная дискриминация по этно-конфессиональному признаку не могла не возмутить менонитов и не ускорить уже начавшийся процесс распродажи земель. Между тем вступили в силу упомянутые положения относительно запрета выезда всем немецким юношам, начиная с 15-летнего возраста. Их стали привлекать к отбыванию воинской повинности – они были отныне обязаны «поступать в службы наравне с прочими»⁵. Одновременно анализировались возможности изменения в военном законодательстве в пользу менонитов, однако ввиду того, что практически вся земля этих поселян была распродана (причём не по старой цене в 2,50 руб. за десятину, а по ценам реальным, то есть в сотни раз превышавшим их выкупную стоимость), то было признано, что дальнейшие уступки «в видах удержания их от переселения» будут бесполезны. Поэтому из Петербурга поступило распоряжение выдать паспорта всем менонитам, желавшим оставить Крым и заперекопские земли, отправившись в Америку – денег на переезд у них было более, чем достаточно. Всего их выехало 15 000, что составило $\frac{3}{4}$ adeptов этого религиозного толка [29, с. 35].

Однако значительное число менонитов (4 – 5 000 чел.) осталось, обнадёженное обещаниями властей изменить в отношении их призывное законодательство. Впоследствии они не только благополучно жили в 60 смешанных населённых пунктах и двух крупнейших менонитских центрах Спат и Карасан, но и основали ещё одну единоверную общину в Чонграве (ныне село Колодезное Красногвардейского района). Об успехах в их культурной и духовной жизни говорят и иные факты: в Спате в 1900 г. открылось первое менонитское издательство Авраама и Якоба Крукеров, а ещё через два года в этой колонии начала выходить еже-

недельная газета «Голос мира» (Friedensstimme). В Чонграве же до 1918 г. успешно работала Библейская школа братьев-менонитов – одного из духовных течений, адепты которого, в отличие от остальных менонитов, не признавали церковного богослужения.

Что же касается остальных крымских немцев, то было принято решение закрепить их обособленность от представителей других национальностей – немецкие округа были преобразованы в волости, по сути национальные. В ходе этой реформы немецкие колонии вошли в меняющуюся административную структуру Новороссии: были образованы Цюрихтальская, а к юго-востоку от Джанкоя – Эйгенфельдская волости. Управление в них находилось целиком в руках колонистов. Все они получали «владенные записи» с правом распоряжаться своими участками, в том числе и делить их по наследственному праву. Постепенно росло и их землевладение. Если вначале Цюрихтальская волость имела 2 колонии с владением в 3 089 десятин, то в конце 1880-х гг. там было уже 14 колоний с принадлежавшей им 50 751 десятиной (383 двора, где проживало более 2 000 чел.). В Перекопской же волости 14 колоний вошли в новообразованную Эйгенфельдскую волость – это была недвижимость, ранее принадлежавшая выехавшим в Америку менонитам, а теперь перешедшая к бывшим «безземельным» [18, с. 18].

По данным 1886–1887 гг. крымским немцам принадлежало в Таврической губернии 715 576 десятин земли, тогда как крымским татарам – всего 142 560 десятин. А вот общая численность немцев в конце XIX века составляла всего около 30 000 или всего 5,5% от общего количества крымского населения, в основном сельского. Тем не менее они стали понемногу играть всё более значительную роль не только в экономике края, но и общественной и социально-политической жизни Новороссии. При этом большая часть немцев – более 20% от их общей численности – проживала в Перекопском уезде. Следует отметить, что в те годы приблизительно 80% крымских немцев были середняками и зажиточными крестьянами-собственниками, 17% – безземельными крестьянами и 3% представляли крупные землевладельцы [18]. Таким образом, в отличие от ситуации в соседних великорусских, болгарских и татарских деревенских селениях, немецкая община была слабо дифференцирована в аспектах как экономическом, так и культурном. Можно даже утверждать, что здесь не было почвы для социальных противоречий, на которые была так богата пореформенная российская деревня XIX в.

Нарисованная выше картина чисто «немецкого благополучия» может показаться несколько идеализированной, хотя до твёрдой уверенности и в завтрашнем дне колонистам было далеко. Они могли не опасаться внутренних коллизий, грозивших взорвать общество изнутри. Однако иноверные и иноязычные анклавов не могли не раздражать окружающих, принадлежащих к «державной» нации – хотя бы по причине успешной экономической конкуренции колонистов российским помещикам и коммерсантам. Немцы этого опасались, и как показало будущее, они были правы. Впрочем, некоторые признаки близившегося кризиса в их отношениях с российскими властями можно было отметить и раньше. Я имею в виду национальную политику империи, менявшуюся с приходом к власти очередного императора. Наиболее характерным показателем отношения верховных правителей к колонистам стали квоты на натурализацию в России новых иммигрантов из Германии.

Тревожные настроения были отмечены в эти годы и у крымских немцев, не относившихся к менонитской секте. Они могли бы, ради сохранения достигнутого на новой родине, согласиться на армейскую службу, несмотря на её длительность⁶, но их доверие к царской администрации было сильно поколеблено сведениями о правительственном курсе на русификацию национальных меньшинств. Причём это были не только беспочвенные слухи. С воцарением Александра III **кампания по русификации** больших и малых народов, как известно, приобрела системный характер. Собственно, переселяя немцев в Крым, проявляя действенную заботу о них, правительство и местная, губернская администрация и ранее преследовала прежде всего собственные (имперские) цели, менее всего думая о сохранении этнокультур национальных меньшинств. Напротив, постепенное превращение крымских немцев, болгар, греков и пр. в «русских» подданных царя стало одним из направлений местной национальной политики, хотя пока (до 1880 –х гг.) и не декларированной, не доведённой до широкой общественности. «Второй натурой губернской администрации стало глубокое безразличие к нуждам тех, кто был поручен её заботам. Такая позиция русских была издавна и всесторонне пронизана шовинизмом, а русификация, объявленная в начале 1880-х гг. официальной политикой, представляла собой [лишь] его логическое разрастание (its logical extension)» [50, p. 170].

Что могли противопоставить кампании по русификации крымские немцы? Естественно, не борьбу с ней – для этого они были слишком законопослушны. Оставался один выход – замкнуться в собственном кругу,

свести контакты с внешним, славянским миром до минимума. Подчеркнём, что это стремление к самогерметизации отнюдь не было изначально присуще немецкой этнопсихологии. В истории Средних веков и Нового времени немцы предстают как один из самых коммуникабельных и динамичных народов Европы. Но не менее известна немецкая склонность к трепетному сохранению духовной и материальной культуры предков. И именно эта приверженность заставила небольшую крымскую диаспору, немецкий островок в чужеродном и не понимающем их мире самоизолироваться. Это была естественная реакция популяции на попытки разрушить её этнокультурное ядро [1, с. 99].

Контакты с внешним миром стали ограничиваться сбытом сельскохозяйственной продукции и закупкой необходимых инструментов и материалов. Трудовая деятельность и духовная жизнь колонистов сохраняли свои традиционные черты ещё одно-два десятилетия. Затем началась Первая мировая война, и внешний мир властно вторгся в размеренный быт крымских немцев, быстро и необратимо ушедший в прошлое – но это особая тема, к которой мы вернёмся позднее.

Столь же глубокие перемены постигли в этот период и мир крымских татар. Они начались в 1870–1890-х гг. и вызвали куда более катастрофичные последствия. Имеется в виду Третья великая эмиграция, причины которой носили сложный, экономически-идеологический характер. Причём кризисные явления общероссийского характера дополнялись в Крыму особыми, региональными, которые ставили крымскотатарское население в почти безвыходное положение.

Известно, что модернизация экономики уменьшает потребность в рабочей силе для сельского хозяйства, ведёт к оттоку части крестьянства в промышленные города. Но если по темпам и глубине урбанизации Россия отставала от Запада, то Крым в этом смысле отставал от остальной европейской части России. Крымские города не могли принять крестьян, которые покидали деревню по причине обезземеливания. Города эти являлись таковыми более по названию, чем по социально-экономической своей сути, поскольку их индустриальные и торговые функции находились в зачаточном состоянии. Они представляли собой прежде всего административно-политические (Симферополь) и военно-оборонные (Севастополь) центры, поэтому были не в состоянии занять, трудоустроить ни вытолкнутых из села татар, ни российских крестьян-переселенцев, ещё более обостривших местную земельную проблему. А «крымскотатарская» национальная политика властей, не менявшаяся с

годами, вела народ к неуклонной демографической и этнопсихологической деградации.

Это понимали не только сами татары, но даже некоторые чиновники, болевшие за порученное им дело. Так, таврический губернатор В. Ф. Трёпов писал (правда, несколько позднее, в 1903 г.) в Петербург: «Должен признать, что Русское Правительство не приложило ни труда, ни забот, чтобы прочно устроить быт татар. Насколько заботливо, предусмотрительно мы устроили колонизацию немцев в крае, настолько по отношению к детям степей – татарам – Правительство относилось безучастно и равнодушно, и следует ли удивляться, что никем не руководимый... доверчивый татарский народ погибает от хищнических набегов на их права и имущество всяких вооружённых искусством обходить закон, земельных паразитов-спекулянтов» [39, л. 239 об.].

Брожение в крымскотатарских массах, вызванное непрерывной цепью притеснений в самых различных планах и равнодушием чиновников, приняло форму эмиграции накануне принятия закона о *всеобщей* воинской повинности. Этим актом намечалось, вопреки существовавшему с эпохи аннексии Крыма и подтверждённому позднее положению, лишить крымских мусульман освобождения от службы в армии. Генерал-губернатор П. Е. Коцебу в 1873 г. вспоминал: «При недавнем объяснении нашем [с царём] в Ливадии, по случаю возникшего между крымскими татарами стремления к переселению за границу, в виду ожидаемого закона о всеобщей воинской повинности, генерал-губернатор заявил мысль свою, что в видах успокоения крымских татар и облегчения для них воинской повинности, полезно было бы призываемых на службу татар назначать в отдельный отряд, не распределяя новобранцев по различным частям войск» это «было бы самым действенным средством к прекращению возбуждённого между крымскими татарами брожения». Далее П. Е. Коцебу объяснял, что татары «не страшатся воинской повинности как таковой» и опасаются лишь того, чтобы новобранцы их не рассеивались по разным местам, так как иначе они стеснены были бы в исполнении духовных треб и вообще правил их веры». В то же время назначение их именно в конницу «совершенно совпадало бы с собственным желанием татар...» [Цит. по: 24]. Таким образом, правящие круги были хорошо знакомы с проблемой, то есть знали, чем грозит нарушение царской гарантии, но, несмотря на то, что эмиграция уже началась, они на это нарушение сознательно пошли.

Указ о всеобщей воинской повинности, упоминалось, был опубликован 1 января 1874 г. И тут же началось не одиночное, а уже массовое бегство мусульман Крыма от этой, ранее неслыханной, а теперь ставшей реальностью угрозы оскорбления веры предков. У берегов Крыма появились турецкие фелюги, с них спускали шлюпки, на которых турки стали ходить вдоль удобных отмелей под видом охоты на дельфинов, но на деле — для погрузки крымскотатарских эмигрантов. К весне Крым покинули первые **300 призывников, большинство с семьями, а губернская канцелярия уже была завалена прошениями о выдаче паспортов на выезд.** Очередной великий исход стал набирать обороты.

Зная, чем чреват для Крыма уход татар, Александр II немедленно отправил на Юг генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова. Тот объехал Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский и Евпаторийский уезды, лично встречаясь с семьями будущих призывников. При этом выяснилось — они убеждены в том, что татарским юношам угрожает тотальная рекрутчина: «все 20-летние будут ежегодно поголовно забираемы в солдаты, что, кроме того, всё мужское население до 40-летнего возраста будут обязаны нести службу и т. д.» [7, с. 439]. **То есть, местные чиновники распространили среди крымскотатарского населения информацию о гораздо более жёстком призывном режиме, чем это предусматривалось на самом деле.** Причина этой фальсификации была проста. Чиновники пошли на неё, ожидая от татар взяток за отсрочку от призыва или платы за оформление миграционных документов, что должно было принести им необычно крупный доход.

И в самом деле, оказалось, что ещё до приезда С. М. Воронцова они успели собрать таким образом 10 000 руб. только за написание просьб о выезде за рубеж. Кроме того, князем были отмечены и некоторые побочные причины к эмиграции, о которых он также счёл нужным доложить: «Татары в значительном большинстве не имеют собственной земли; они живут десятинщиками на землях помещичьих и казённых, отдаваемых в аренду и терпят большие притеснения в особенности от арендаторов казённых земель». В связи со всем вышеупомянутым С. М. Воронцова не должно было удивить, что «...в некоторых местах татары полагают даже, что правительство само желает их ухода наподобие 1861 года» [7, с. 440, 441, 442].

Князь, как мог, разъяснял татарам истинное положение вещей и ему удалось в какой-то мере успокоить народ, обещая от имени верховного командования добиваться создания особых крымских мусульманских

частей типа лейб-гвардейского крымскотатарского эскадрона, где даже форма будет близка к национальной одежде, а воинов постоянно, в праздники и будни, будет сопровождать мусульманское духовенство. Как позже писал генерал-адъютант Милютин, действительно «имелось в виду установить для них такие облегчения, которые соответствовали бы их образу жизни и понятиям», о чём, кстати и Александр Николаевич, находясь в Ливадии, лично объявил «представителям татарского населения Крыма... и на первое время предполагал образовать отдельный эскадрон в пределах Крымского полуострова с тем, чтобы они имели полную возможность исполнять все правила их веры и сохранять образ жизни, соответственный их религиозным требованиям. При этом имелось в виду даже форму обмундирования эскадрона применить к национальной их одежде» [24, с. 2].

Миссия С. М. Воронцова и прямое обращение царя к крымским татарам приостановили начавшуюся эмиграцию: императора знали мало, но князю верили, хотя он выдавал (скорее всего, из лучших побуждений) желаемое за действительное. Впрочем, прибыв в Петербург, он, в самом деле, решил довести дело до конца и подал докладную, где указывал, что для прекращения эмиграции необходимо, чтобы крымские чиновники прекратили запугивать татар. Князь указал далее, что если не принять немедленных мер, то массового исхода избежать не удастся: у татар настолько «бедственное положение... что выселение из пределов России представлялось их воображению делом, могущим только улучшить положение» [24, с. 2].

Далее, князь предлагал Александру:

- 1) отрезать степным татарам наделы из казенных земель в рассрочку;
- 2) провести ряд дорог, чтобы связать судакские деревни с Алуштой, Феодосией и Карасубазаром и сделать возможным вывоз винограда из горных районов;
- 3) возратить отобранные в 1838 г. у татар лесные «дачи» (то есть, участки, изначально выделенные казной в пользование горным крестьянам);
- 4) рассмотреть накопившиеся жалобы на произвол земельных ведомств, посягающих на татарские участки и дома;
- 5) возобновить, в соответствии с законом, свободную выдачу паспортов паломникам наравне с подданными-христианами, и оставить управление вакуфами у мусульманских общин [7, с. 440].

Надо сказать, что Александр внешне отнёсся к предложениям С. М. Воронцова сочувственно, и даже дал тому ряд обещаний. Но не был исполнен даже самый простой из пунктов донесения – об исключении из рациона солдат-мусульман свинины и возможности совершения намазов, а также требование соблюдения исламских обрядов при жизни и в случае смерти военнослужащих–мусульман. Но и в 1905 г. татары обращались с такой просьбой к Председателю совета министров С. Ю. Витте⁷ [45: 1905, 29 марта], из чего видно, что проблема по-прежнему оставалась нерешённой.

Поэтому прекратившаяся было эмиграция вновь возросла — началось повальное бегство семей, в которых были рекруты. До конца 1874 г. бежало за рубеж 500 человек с семьями, притом без паспортов, незаконно, на турецких фелюгах, отходивших по ночам из Евпатории, Судака, Севастополя и Гурзуфа. В Феодосии же их грузили на пароходы, но моряки при всём желании не могли справиться с огромными толпами беженцев, запрудившими порт осенью 1874 г. К тому же какому–то чиновнику пришла в голову мысль пропускать всех выезжающих через карантин, что дополнительно замедляло отток людской массы. Вскоре у людей стали кончатся деньги, попытки продать бедную одежду были бесполезны. А когда наступила зима, то между переселенцами, для которых никто не приготовил даже элементарных бараков, начались болезни (оспа, тиф), обморожения и т. д.. Утверждают, что в страшную зиму 1874–1875 г. на феодосийских улицах погибло 75 % населения [26, с. 7].

А в конце 1870-х гг., уже после окончания краткой Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., пользуясь послевоенной сумятицей, в частности, кампанией обмена пленными (по взаимной договорённости о свободном отпуске пленных), в Турцию нелегально бежало неуставленное количество крымских татар призывного возраста под видом пленных турок. Этим потоком занялся имперский Департамент полиции. В 1878 г. в Крым выехали его эмиссары, но слишком поздно. Каждый, кто действительно хотел, уже успел воспользоваться этим, на краткое время приоткрывшимся, выходом на волю [40, л. 6].

В связи с новой эмиграцией (она шла практически непрерывно и позднее, хотя после 1893 г. и наблюдался некоторый спад, вызванный решением сохранить Крымский дивизион) в Крыму активизировался процесс перехода земли от крымских татар к русским, немцам, армянам. В то же время ухудшилось положение безземельных крымских татар. Раньше для них было проблемой найти незанятый участок и договориться об его аренде. Теперь, в последние годы XIX в. возросла арендная плата, при-

чём настолько, что никакая, даже самая напряжённая работа на снятых участках, более себя не окупала. И снова исподволь началась агитация со стороны чиновников за эмиграцию, и не без успеха: в 1895–1897 гг. поднялась ее новая волна. Пока не выяснены точные цифры этой демографической драмы. Однако, судя по официальным документам, она была весьма значительной. Достаточно сказать, что в начале 1890-х гг. под угрозой оказалась вся экономика Крыма, опиравшаяся, как и раньше, прежде всего на татарские трудовые руки⁸.

Своего пика переселение достигло несколько позже, на рубеже веков, когда в Крыму стало известно о создании так называемой Противомусульманской лиги России. Говорили, что цель этой организации — насильственное обращение всех татар в православие. Не спасла положение и публикация об истинных задачах этого, в самом деле, необычного союза [17]; ей просто не поверили, скорее она подлила масла в огонь. Кроме того, тогда же Крым облетела весть о том, что бывший российский консул в Санторине полковник Анастасиев, осевший на постоянное место жительства в Евпатории, ходатайствует в Петербурге о «передаче здания Хан-Джами православному населению для устройства храма» [42, л. 11–11об.]. К счастью, прошение это было благоразумно отклонено, но слух о нём успел ещё более обострить конфликтную ситуацию – ведь речь шла о главной мечети крымской общины.

Ситуация усложнялась тем, что единожды решившись на выезд, семья уже не могла вернуться, в случае смертной нужды, назад, в Крым – об этом гласил один из пунктов паспортного регламента 1902 г., где было «положено не препятствовать желающим оставить Россию, однако с обязательством обратно не являться». Это было вопиющим нарушением национального равноправия, неоднократно торжественно провозглашавшегося на территории империи. Получалось, что подданный любой национальности, в том числе иностранец, в том числе турецкоподданный, но этнически – турок, мог беспрепятственно приехать на постоянное жительство в Крым. Татарин же, даже натурализовавшийся за морем, то есть ставший таким же турецкоподданным, этого права лишался навсегда, только потому, что речь шла о возвращении на историческую родину [45: 1902, 21 октября, 3 ноября].

А темпы эмиграции тем временем только росли. Согласно официальному отчёту, предназначенному для императора, только в течение 8 месяцев 1902–1903 гг. из губернии убыло за рубеж 12 768 чел. При этом деревенские угодья были проданы за бесценок — в среднем по 11 руб.

десятина. Так полностью, до последнего бедняцкого чаира ушла земля деревень Биюк-Янкой (8 000 дес.), Чердаклы, Тобень-Эли и Карда-Эли (1 388 дес.), Аян (1 116 дес.), Азен (500 дес.), Чукурча (300 дес.) и так далее [43, л. 271].

Отчитываясь за 1903 г. другой губернатор Таврии, П. Ф. Трёпов, сообщал: «Татарское переселение возникло в 1903 г. с прежней силой и вскоре достигло громадных размеров: с каждым пароходным рейсом отправлялось до 600–800 человек татар... В отчёте за 1902 г. я указывал, что с родного гнезда татар гонит бедность, доходящая порой до нищеты... Удобным моментом воспользовалась бессовестная земельная спекуляция. Не гнушаясь никакими приёмами, вплоть до подстрекательства к переселению, она начала буквально расхищать земли переселенцев. Я предложил записку Министру финансов правильно организовать покупку освобождённых земель, чтобы этим путём создать необходимый земельный фонд для устройства малоземельных крестьян и прекратить ограбление уходящих татар. К сожалению записка эта... не имела никаких результатов... Ни одна десятина земли от выселившихся в Турцию татар не приобретена Правительством и не послужила для разрешения наболевшей проблемы здешнего землепользования: устройства малоземельных крестьян» [43, л. 253 об.–254].

Третий исход продолжался до 1905 г., когда другие, революционные события, затронувшие и Крым, подали татарам новые надежды на перемену их положения к лучшему. Так закончилась последняя из Великих эмиграций крымских татар XVIII–XX вв. По некоторым подсчётам только на территории бывшей Османской империи оказалось в общей сложности свыше миллиона коренных крымцев, не считая почти четверти миллиона заперекопских ногайцев, тоже бывших подданных крымского хана [53, р. 228; 49, s. 445].

Рано или поздно у читателя должен возникнуть вопрос: почему среди татар, терпевших всё новые и новые издевательства властей, не возникло национально-освободительного движения? Тем более, что они не могли не знать, кто виноват в их бедах – вспомним слова учёного и писателя, немало время прожившего в Крыму и хорошо знакомого с психологией коренных жителей полуострова конца XIX столетия: «Как бы то ни было, татарин не может... забыть, что он жил в этих лесах и владел этими степями и долинами сотни лет, никем не стесняемый и не оспариваемый, не может забыть, что вдруг пришёл к нему казак (т. е. русский — В. В.), прогнал его хана, забрал его земли и сады, понастроил в его городах и сёлах

свои деревни... он твёрдо знает одно, что у вас ничего не было, и вдруг почти всё очутилось, что у него в руках всё было, и не осталось почти ничего» [23, с. 304–305].

И, уже зная об отдельных взрывах протеста против законодательных нововведений, Е. Л. Марков продолжает, объективно становясь на сторону местного населения: «По-моему, надо ещё удивляться добродушию и кроткости крымского татарина; уже в скольких местностях Крыма он сжился со своим обидчиком — “казакон”, как со старым приятелем... А между тем раны татар очень свежи. Они, во всяком случае, свежее ирландских. Кто знаком сколько-нибудь по местным архивам и местным преданиям с способом расселения в Крыму русских, греческих, немецких и всяких других владельцев, тот недоумевает, как могло так скоро улечься в душе татарина чувство мести...» [23, с. 306].

Оно, действительно, улеглось. Более того, оно не проснулось даже тогда, когда российские власти, казалось, сделали всё, чтобы пробудить это законное для каждого колонизированного этноса чувство. Но пришёл момент, когда даже многотерпеливый народ Крыма пробудился. Возникло совершенно неожиданное и нехарактерное для крымской колонии России стремление к свободе.

Очевидно, настало время определить этапы национально-освободительного демократического движения татар, шедшего с различной интенсивностью на протяжении всего колониального периода истории Крыма. Первый этап, начавшийся после аннексии их родины Россией и окончившийся приблизительно в 1880 г., характерен ярко выраженной стихийностью, переменчивостью и «сбивчивостью» целевых установок, отсутствием идеологического и политического центров и руководства в целом. Грубо говоря, крымские татары боролись, часто вразнобой, за выживание, иногда против разрушения колонизаторами их сложных и разноплановых традиций. Впрочем, и последние складывались в систему, единственно способную поддержать общество в условиях непрерывных ударов извне. Нужно сказать, что на том этапе задачи национально-освободительного движения были ценой огромных жертв более или менее успешно решены. *Этнос выжил.*

На протяжении второго этапа движения (1880–1905 гг.) его задачи безмерно усложнились. Теперь к антитатарским, то есть конкретно направленным ударам добавились объективные социально-экономические процессы. Они были общими для всей России, но особенно болезненно сказывались на судьбах малых народов. Ранее крымские татары, отдавая

себе отчёт о собственном подданстве «белому царю», ощущали, тем не менее, свою особость, своё религиозное и этническое отличие от остальных народов империи. В 1880-х эта самоидентификация впервые стала проблематичной. Границы между культурами сохранялись, но национально-культурные интересы чем дальше — тем чаще стали приходиться в противоречие с имперскими, централизованно генерированными и, что важнее всего, «установочными» ценностями. Далее, за 20 пореформенных лет резко возросла общая мобильность россиян. В Крыму она выразилась в мощной иммиграции с севера, которая неотвратимо размывала систему традиционных отношений коренного народа, его культурную самобытность, вызывая тревогу и постоянный стресс⁹.

Параллельно стала расти, причём заметно, роль такой важной культурной компоненты, как иной (русский) язык, незнание которого не только радикально перечёркивало любую возможность социального и политического продвижения, но и отрицательно сказывалось на авторитете любого способного татарина даже в среде «своих» (национальной интеллигенции).

Далее, неизбежно нарушалась былая закрытость крымскотатарских сельских общин. С одной стороны, крестьяне всё чаще наведывались в города, с другой — в сёлах стали появляться новые люди. Таким образом, социальная «разгерметизация» оборачивалась разрушением и этнической изолированности, сохранности культуры. Ускорился и сравнительно новый процесс – разрушения не только татарского социума, но всего национального (локального) мира крымского человека [3, с. 309].

Опыт Европы, уже миновавшей аналогичный кризис, заключался в создании интеграторов иного типа, пришедшего на смену этническому. Возникали полиэтничные нации, в сплочении которых работал механизм межкультурного контакта, взаимопритяжения и смешения. Подходил ли этот опыт Крыму? Вряд ли. Во-первых, оттого, что в южнорусских условиях это был бы паллиатив, полумера — полная замена одного социального интегратора другим в принципе была здесь невозможна. Общность языка, народной и высокой культуры, конфессии не могли походя утратить своё значение. Напротив, когда опасность дезинтеграции угрожала всему народу, тут же стирались былые политические и социальные разделители. Взамен начинали активизироваться сближающие моменты, обусловленные языковой, фольклорной, традиционно-экологической и иной общностью.

Нация складывается там, где существует человек для государства, где превалирует суперэтническая общность и т. д., где каждый готов влиться, жертвуя собственной архаичной традицией, в общий процесс дезэтнизации, нациеобразования. Но такой готовности отнюдь не наблюдалось прежде всего у доминировавшего, титульного народа империи. Напротив, на смене XIX–XX вв. отмечено взрывное развитие великорусского шовинизма. К созиданию общероссийской нации было не готово самое прогрессивное («продвинутое» в масштабе империи) русское общество. Оно не достигло уровня, к примеру, датчан, добровольно и бесконфликтно признавших в эти годы полное равноправие колонизованных ими гренландских эскимосов.

В российских пределах такой выход был отрезан. Русский человек, его «полусредневековое, корпоративное сознание не способно было принять идеи принадлежности самому себе» [3, с. 313], и ещё менее — признать это право за другими. Великорусская масса была не в состоянии постичь всеобщность нагрянувших перемен и приписывала их истоки (совершенно, причём, искренне) проискам Запада (в культурных верхах) или «жидов» (в почвенной толпе). Тут-то и всплыло, в который раз, православное манихейство, подведшее под перекрестье прицела «внутренних врагов». В Одессе, Харькове или Кишинёве ими стали евреи, в Крыму — ещё и татары.

Это была уже не та прежняя, почти идиллическая борьба с культурой или хозяйственными традициями местных нерусских, к которой инородцы успели как-то притерпеться. Теперь приходилось иметь дело с новым вызовом, новым ростом шовинистических всплесков, сила которых оказалась превосходным двигателем толпообразующих масс и очень удачно подменила в роли национального центра старый националистический патриотизм. Никогда ещё агрессивная политика Центра, направленная против инородцев не велась столь последовательно и жёстко, как накануне взрыва национально-освободительного движения в России начала XX в. А сами проводники и сторонники этой политики по исторической тупости своей раскалывали то, что стремились спаять, сохранить, а именно — многонациональную империю. Их жестокие и бескомпромиссные акции толкали крупные этнические группы к ответной радикализации своих региональных программ, выбивали почву из-под ног у более умеренных либералов-федералистов. У малых же этносов не оставалось иного выхода, кроме бегства из империи. Он был оптимальным: как иначе можно было, при их-то слабости, пресечь насилие «державников» и

черносотенцев, сохранить этнокультурную самостоятельность, доступ к социальному прогрессу, традиционную свободу совести?¹⁰

В годы, когда у крымских татар не было ещё своих политических организаций, их вполне заменяли стихийно возникавшие связи между руководителями локальных общин. Группы религиозных активистов, имевшиеся при каждой мечети или сельской джемаат, всё чаще сносились друг с другом, решая общие проблемы, сознавая, что лишь сообща, в сотрудничестве можно создать какую-то прочную линию обороны против давления извне. Они становились, таким образом, ферментом будущего национального освободительного брожения, а затем объединения. Конечно, вынужденная эта борьба за религиозную свободу и за сохранение духовной чистоты занимала много времени и энергии, отвлекала этнос от других, социально не менее важных проблем, сужала область приложения народной активности и таланта.

Кто был в передовых рядах этих борцов? Конечно, общеизвестны два-три имени наиболее выдающихся, талантливых и преданных общему делу подвижников. Но они никогда не смогли бы достичь успеха в своей деятельности, если бы не опирались на десятки (отнюдь не сотни) безвестных, скромных тружеников на ниве народного просвещения. Сельские учителя и муллы, писари и старосты, плоть от плоти своего народа, ранее не имевшие надобности заниматься чем-то сверх своих обязанностей, с самого начала национально-освободительного движения стали просто неузнаваемы. Они принимаются (по целиком собственной инициативе) за разъяснение односельчанам смысла происходящего в большом мире и на родине. Говоря на истинно народном языке, что имело колоссальную важность (слушали только их!), они пробуждали в этнической массе симпатии к деятелям освободительного движения, к народным просветителям, облекая их авторитетом, в котором никто не мог уже усомниться.

Возникает закономерный вопрос: а откуда же эти сельские люди могли набраться столь современных идей, вообще стать сторонниками модернизаторской деятельности выдающихся просветителей крымскотатарского народа, почему они так резко отличались в своей исторической миссии от того же православного священства? Для понимания этой ситуации нужно вспомнить, что крымскотатарская интеллигенция, даже сельская и не слишком учёная, постоянно общалась со своими более просвещёнными братьями из признанных авторитетов в области как фикха и сунны, так и с проводниками вполне актуальных идей просветительства и либерализма новейшего времени. Эти посланцы Крыма,

получившие образование в Стамбуле, а то и в Каире или Париже, возвращались через несколько лет из-за рубежа, обогащённые не только теоретическими познаниями. Они не могли не замечать новых веяний в турецкой общественной жизни (начало младотурецкого движения), не могли не видеть, что английские колониальные власти в Египте не на словах, а на деле предоставляя своим подопечным демократические свободы, добились впечатляющих результатов – в первую очередь для самих мусульман. Здесь свободно высказывались и в открытых диспутах кристаллизовались новые идеи, которым, возможно, было суждено изменить мусульманский мир, вернув его к идеалам классического периода.

Конечно, эти идеи доходили до сельских вероучителей в ослабленном и отчасти искажённом виде, иначе и быть не могло. Но общий смысл новизны, общая модернизаторская мысль ухватывались, что называется с лёту – бывают периоды, когда идеи носятся в воздухе, когда для постижения их достаточно намёка, не более. Народ созрел для их восприятия — и в крымскотатарском селе пошёл неспешный и незримый процесс взаимовлияния, духовного самосовершенствования (так один спелый помидор «заражает» своей зрелостью десяток зелёных соседей из той же корзины). Этот процесс никем не направлялся, он был аморфен, но когда настала пора кристаллизации, то она стала неудержимой. Очевидно, стихийное, но удивительно всеобщее сопротивление рекрутированию в Крыму и стало первым признаком перемен именно в указанном направлении.

Выше говорилось, что для крымских немцев необратимые культурные и социально-экономические метаморфозы были тесно связаны с Первой мировой войной. Для татар же, как видим, они начались двумя-тремя десятилетиями раньше. Однако эти насильственные процессы системного раскультирования и социальной деструктуризации были во многом схожи. Они шли параллельно если не хронологически, то в своём сущностном содержании. Впрочем, это сходство вполне закономерно по двум причинам.

Во-первых, обе этнические группы изначально имели (или приобрели в течение XIX в.) немало общих черт, выделявших их от остальной массы народонаселения европейской части империи, что не могло не раздражать как верхи, так и низы. Имеются в виду такие качества как высокая трудовая и бытовая этика, развитое чувство собственного достоинства, несовместное с подневольным трудом, традиционная культурная самодостаточность и экономическая самостоятельность. И ещё одно качество, настолько неизвестное в наших широтах, что обозначать его приходится

термином американской этнопсихологии – это *team spirit*, который можно описательно перевести как «дух единой команды». Колонистам он стал свойствен по понятной причине – немецкий этнический островок оказался окружённым инокультурной и не всегда дружественной средой. У татар это качество имело тот же источник, но гораздо более почтенную историю – его корни обнаруживаем в позднем Средневековье, о чём уже и писалось [5, с. 31]. Здесь важно подчеркнуть, что дух единой команды не только крепил внутренние связи в обеих этногруппах, но и стирал социальные и «классовые» противоречия между соплеменниками – опять же к немалой зависти и раздражению окружающих.

Во-вторых, и немцам, и татарам имперская власть если и не всегда оказывала помощь, то, по крайней мере, не мешала развиваться по их собственным моделям – но лишь до тех пор, пока она сама была в этом заинтересована хотя бы экономически. Картина изменилась, когда правительству представилось, что такого рода развитие идёт вразрез с интересами державы или титульного народа. И тогда даже незначительные (а в абсолютном большинстве случаев – мнимые) коллизии локального масштаба стали вызывать совершенно неадекватную реакцию правительства или местного чиновничества. Она выливалась в кампании, как правило, имевшие катастрофические последствия для обеих этногрупп, вроде панической реэмиграции немцев-менонитов или великих исходов крымских татар.

Таким образом, правомерен следующий вывод: в течение избранного для анализа периода национальная политика империи по отношению к крымским немцам и татарам обладала, при внешних различиях, глубинным, фундаментальным единством. Что в общих чертах нетрудно объяснить: несходство между объектами этой политики могло быть сколь угодно ярким, но это почти не влияло на её субъект, стабильно действовавший в соответствии с собственными интересами и перспективными целями. При этом соображения гуманности, толерантности и сочувствия к малым этническим группам и сообществам – жертвам этой политики – столь же закономерно и неизменно отступали на второй, если не на какой-то третий или тридцать третий план.

¹Подробнее см. в: [4, с. 305].

²Наиболее богато информацией такого рода сочинение А. Демидова «Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году» [9], откуда заимствован ряд приведённых данных.

³Чаир – небольшой сад, разбитый на лесной поляне, очищенной от деревьев и кустарника. Чаиры не охранялись, хотя и располагались иногда в значительном удалении от селений. Невысокая ограда устраивалась лишь для сбережения посадок от кабанов.

⁴По Рекрутскому уставу колонисты не подлежали «ни натуральной, ни денежной рекрутской повинности» (Статья 13, пункт 2).

⁵Положение, высочайше утверждённое 14 мая 1874 г. См.: [38, л. 2 об. – 3, 4 об.].

⁶Новый Устав определил общий срок военной службы в 15 лет (во флоте 10). Правда, действительную службу солдатам ограничили в 6 лет (матросам в 7), оставшиеся годы демобилизованные находились в запасе.

⁷Позже И. Гаспринский утверждал, что государство не имеет права вмешиваться столь беспардонным образом «в духовную и бытовую жизнь подчинённых народностей» [45: 1905, 5 апреля], но обращения эти оставались тщетными и тогда и позднее...

⁸Во время последнего всплеска эмиграции XIX в, отмеченного в 1893 г., Таврический губернатор был крайне обеспокоен тем, что не только степные уезды (как в 1860-х гг.), но и предгорные и даже горные могут остаться без рабочих рук и очутиться в полном запустении. Поэтому он направил в Петербург довольно панический «Всеподаннейший отчёт за 1893 г. о стремлении, принявшем большие размеры, переселения в Турцию татар Бахчисарая, Симферопольского и Евпаторийского уездов» [41, л. 797–822].

⁹В специальной литературе отмечено три главные причины роста национального самосознания (национализма) малых народов России в XIX веке: «1) Спротивление традиционалистов, напуганных натиском современности; 2) Быстрый рост в урбанизирующихся обществах новых и вполне нетрадиционных классов и сословий; 3) Беспрецедентные миграции... диаспор разных народов, каждая из которых оставалась чуждой как местным жителям, так и прочим группам переселенцев, ибо не успела ещё выработать навыков сосуществования» [46, с. 173]. В Крыму имели место, очевидно, лишь первый и третий факторы.

¹⁰Вторичность, «ответность» зарождения радикальных течений и развития в исламском мире ранее несвойственных ему нетерпимости и самоизоляции (в том числе и в XX в.) отметил Карл Поппер: «...нужно отдавать себе отчёт в том, что исламский фундаментализм был спровоцирован не кем-нибудь, а нами. Он спровоцирован нашим поразительным невежеством в отношении ислама: кто помнит, что ислам сохранил для нас греческую цивилизацию, когда Запад скатился в пропасть варварства? Немногие помнят, как испанцы задушили ислам когда его культура была несомненно выше нашей. Фундаментализм спровоцирован также нашей нарастающей тенденцией исказить смысл демократии, общества, которое я назвал “открытым”. Демократия не может быть безусловно открытой: быть демократичным — это не значит позволять [массе] всё, что угодно или постоянно подрывать основные законы нравственности... Мы у ислама можем позаимствовать идею о том, что нравственный релятивизм — один из самых губительных ядов для демократии, ибо демократия существует тогда, когда господствует закон, а закон осно-

выдается на этике, а не на вседозволенности». Цит. по: Литературная газета. 1992, 20 мая.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобылёва С. И.* Система образования немецких колоний начала XX века и «ликвидационные» законы (на материалах южных колоний России) // Немцы России и СССР, 1901-1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М.: Готика, 2000. С. 97–110.

2. *Брандес Д.* Крымские колонии до 1917 г. // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 240–241.

3. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

4. *Возгрин В. Е.* Датское крестьянство в XVI-XIX вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. М.: Наука, 1986.

5. *Возгрин В. Е.* Сицилия и Крым – два очага Проторенессанса // Къасевет. Историко-этнографический журнал. Симферополь, 1996. № 25.

6. *Возгрин В. Е.* Крымские татары в Отечественной войне 1812 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 25–34.

7. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта кн. С. М. Воронцова «О выселении татар из Крыма» // Русский архив. 1906. №7. С. 439–454.

8. *Дайнеко Л. И.* Немецкие колонии в Крыму // Сквозь века: народы Крыма. Вып 1. Симферополь: Академия гуманитарных наук, 1995.

9. *Демидов А.* Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М.: В типографии Александра Семена, 1853.

10. День. 2012, 25 ноября.

11. *Дёнингхаус В.* Безземельные // Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М.: ЭРН, 1999. С. 140–141.

12. *Домбровский Ф.* Очерки хозяйственного быта татар степной полосы Крыма // Записки Императорского Общества сельского хозяйства южной России. 1850. Т. 7. С. 439–443; Т. 8. С. 459–490.

13. *Йедийылдыз Б.* Османское общество // История османского государства, общества и цивилизации / Ред Э. Исханоглу. Т. 1-2. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. С. 405–420.

14. *Кожекин А. Г.* Помощь немецкого населения Таврической губернии российской армии во время Крымской войны 1853-1956 гг. // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 49–53.

15. Крым: Хрестоматия по истории края / Под ред. П. В. Маслова, М. Е. Миллера, П. В. Никольского. Симферополь, 1930.

16. Крымский вестник, 1896. № 74.

17. Крымский вестник. 1901. № 95.

18. *Лаптев Ю. Н.* Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 11–21.

19. Лантев Ю. Н. Немецкие колонии Крыма и их хозяйственная деятельность в XIX – начале XX века: <http://www/ccssu.crimea.ua/crimea/etno/articles/hemkol/index.htm>.
20. Левицкий Г. П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. Кн. X. С. 596–639.
21. Литературная газета. 1992. 20 мая.
22. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам. Симферополь: Типография Таврического губ. земства, 1905.
23. Марков Е. В. Очерки Крыма. Симферополь: Таврия, 1995.
24. Мартыянов Г. П. Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 г. // Севастопольский листок. 1887. № 45-46. С. 2.
25. Немцы и в Крыму немцы // День, 25 ноября 2012.
26. Озенбаилы А. Трагедия Крыма при царизме или татарские эмиграции // Голос Крыма. 2005, 25 августа.
27. Описание Крыма (*Tartariae Descriptio*) Мартина Броневского // Записки Одесского общества изучения древностей. 1867. Т. VI. С. 333–367.
28. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврической губернской статистической комиссией, составлена под редакцией секретаря Комиссии К. В. Ханацкого. Выпуск второй. Симферополь: Типография Правления Таврической губернии, 1869.
29. Причерноморские немцы: Их вклад в развитие г. Одессы и региона 1803-1917 гг. Одесса: Астро-Принт, 1999.
30. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 378. Оп.1. Е. х. 9.
31. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Е.х. 2.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 651. Оп. 1. Д. 474.
33. РГИА. Ф. 1286. Оп. 15. Д. 15.
34. РГИА. Ф. 1286. Оп. 15. Д. 1560.
35. РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 14.
36. РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Е. х. 14.
37. РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Е. х. 2.
38. РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Е. х. 9.
39. РГИА. Ф. Библ. I отд. Оп. 1. Д. 95.
40. РГИА, Ф. 1286. Оп. 39. Д. 133.
41. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Кн. 5115.
42. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 508.
43. РГИА. Ф. Библ. I отд. Оп.1. Д. 95.
44. Стулли Ф. С. Собрание повестей и рассказов. СПб., 1894.
45. Терджиман. 1905, 29 марта, 5 апреля; 1902, 21 октября, 3 ноября.
46. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.
47. Чеботарева В. Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 129–144.
48. Эрбе Ж. Ф. Ж. Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853-1855 гг. Минск: Типо-литография Х. Я. Дворжеца, 1894.

49. Brandes D., Sundhausen H., Troebst S. Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts. Wien – Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 2010.

50. Lazzarini E. J. Local Accomodation and Resistance to Colonialism in Nineteenth-Century Crimea // *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 169–188.

51. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. I – II. Zweiter Band. Leipzig: Martini, 1801.

52. Reise in die Krym und den Kaukasus von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot, Dr. Med. Mit Kupfern und Karten. Bd. I. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1815.

53. Williams B. G. The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden – Boston – Köln: Brill. 2001.

REFERENCES

1. Bobyleva S. I. Sistema obrazovaniia nemetskikh kolonii nachala KhKh veka i «likvidatsionnye» zakony (na materialakh iuzhnykh kolonii Rossii) (The education system of the German colonies of the early twentieth century and «liquidation» laws (on materials of the southern colonies of Russia)), in *Nemtsy Rossii i SSSR, 1901-1941 gg.: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Gotika Publ., 2000. P. 97–110.

2. Brandes D. Krymskie kolonii do 1917 g. [Crimean colonies until 1917], in *Nemtsy Rossii*. Jenciklopedija. T. 2. Moscow, 2004. P. 240–241.

3. Vishnevskii A. G. *Serp i rubl': konservativnaia modernizatsiia v SSSR*. Moscow: OGI Publ., 1998.

4. Vozgrin V. E. Datskoe krest'ianstvo v XVI-XIX vv., in *Istoriia krest'ianstva v Evrope. Epokha feodalizma*. Tom tretii. Moscow: Nauka Publ., 1986.

5. Vozgrin V. E. Sitsiliia i Krym – dva ochaga Protorenessansa, in *K"asevet. Istoriko-etnograficheskii zhurnal*. Simferopol', 1996. № 25.

6. Vozgrin V. E. Krymskie tatory v Otechestvennoi voine 1812 g. , in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2013. № 10. P. 25–34.

7. Vspoddanneishee donesenie general–ad»iutanta kn. S. M. Vorontsova «O vyselenii tatar iz Kryma», in *Russkii arkhiv*. 1906. №7. P. 439–454.

8. Daineko L. I. Nemetskie kolonii v Krymu [German colonies in the Crimea], in *Skvoz' veka: narody Kryma*. Issue 1. Simferopol': Akademiiia gumanitarnykh nauk, 1995.

9. Demidov A. *Puteshestvie v iuzhnuu Rossiiu i Krym cherez Vengriiu, Valakhiuu i Moldaviuu, sovershennoe v 1837 godu*. [Trip to southern Russia and Crimea through Hungary, Wallachia and Moldavia, committed in 1837]. Moscow: V tipografii Aleksandra Semena Publ., 1853.

10. Den' [Day]. 2012, November 25.

11. Denningkhaus V. Bezzemel'nye [The landless], in *Nemtsy Rossii*. Jentsiklopediia. T. 1. Moscow: ERN Publ., 1999. P. 140–141.

12. Dombrovskii F. Ocherki khoziaistvennogo byta tatar stepnoi polosy Kryma [Essays on economic life of the Tatars of steppe regions of Crimea], in *Zapiski Imperatorskogo Obshchestva sel'skogo khoziaistva iuzhnoi Rossii*. 1850. T. 7. P. 439–443; T. 8. P. 459–490.
13. Iediiyldyz B. Osmanskoe obshchestvo [Ottoman society], in *Istoriia osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii*. Edites by E. Iskanoglu. T. 1-2. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2006. T. 1. P. 405–420.
14. Kozhekin A. G. Pomoshch' nemetskogo naseleniia Tavricheskoi gubernii rossiskoi armii vo vremia Krymskoi voiny 1853-1956 gg. [Assistance provided by the German population of Taurian province to the Russian army during the Crimean war], in *Nemtsy v Krymu. Ocherki istorii i kul'tury*. Simferopol: Tavriia-Plius Publ., 2000. P. 49–53.
15. Krym: Hrestomatija po istorii kraja [Crimea]. Edited by P. V. Maslov, M. E. Miller, P. V. Nikol'skij. Simferopol, 1930.
16. Krymskii vestnik [Crimean messenger]. 1896. № 74.
17. Krymskii vestnik [Crimean messenger]. 1901. № 95.
18. Laptev Iu. N. Pereselenie nemtsev v Krym i osnovanie kolonii (XIX v.) [Resettlement of Germans in the Crimea and the foundation of colonies in XIXth century], in *Nemtsy v Krymu. Ocherki istorii i kul'tury*. Sost. Iu.N. Laptev. Simferopol: Tavriia-Plius Publ., 2000.
19. Laptev Iu. N. Nemetskie kolonii Kryma i ikh khoziaistvennaia deiatel'nost' v XIX – nachale XX veka [German colonies of the Crimea and their economic activities]: <http://www/ccssu.crimea.ua/crimea/etno/articles/hemkol/index.htm>.
20. Levitskii G. P. Pereselenie tatar iz Kryma v Turtsiiu [Resettlement of Tatars from the Crimea to Turkey], in *Vestnik Evropy*. 1882. Kn. X. P. 596–639.
21. Literaturnaia gazeta [Literary newspaper]. 1992. May 20.
22. Markevich A. I. *Tavrisheskaia guberniia vo vremia Krymskoi voiny: Po arkhivnym materialam*. Simferopol': Tipografii Tavricheskogo gub. zemstva Publ., 1905.
23. Markov E. V. *Ocherki Kryma*. Simferopol': Tavriia Publ., 1995.
24. Mart'ianov G. P. Posledniaia emigratsiia tatar iz Kryma v 1874 g., in *Sevastopol'skii listok*. 1887. № 45–46.
25. Nemtsy i v Krymu nemtsy, in *Den'*. 2012. November 25.
26. Ozenbashly A. Tragediia Kryma pri tsarizme ili tatarskie emigratsii, in *Golos Kryma*. 2005. August 25.
27. Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo, in *Zapiski Odesskogo obshhestva izuchenija drevnostej*. 1867. T. VI. C. 333–367.
28. *Pamiatnaia kniga Tavricheskoi gubernii, izdannaiia Tavricheskoi gubernskoi statisticheskoi komissiei*, sostavlena pod redaktsiei sekretaria Komissii K. V. Khanatskogo. Second issue. Simferopol': Tipografii Pravleniia Tavricheskoi gubernii Publ., 1869.
29. *Prichernomorskie nemtsy: Ikh vklad v razvitie g. Odessy i regiona 1803-1917 gg*. Odessa: Astro-Print Publ., 1999.
30. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 378. Op.1. E. kh. 9.
31. RGVIA. F. 400. Op. 12. E.kh. 2.
32. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 651. Op. 1. D. 474.
33. RGIA. F. 1286. Op. 15. D. 15.
34. RGIA. F. 1286. Op. 15. D. 1560.
35. RGIA. F. 1246. Op. 1. D. 14.

36. RGIA. F. 1246. Op. 1. E. kh. 14.
37. RGIA. F. 1246. Op. 1. E. kh. 2.
38. RGIA. F. 1246. Op. 1. E. kh. 9.
39. RGIA. F. Bibl. I otd. Op. 1. D. 95.
40. RGIA. F. 1286. Op. 39. D. 133.
41. RGIA. F. 1263. Op. 2. Kn. 5115.
42. RGIA. F. 468. Op. 43. D. 508.
43. RGIA. F. Bibl. I otd. Op. 1. D. 95.
44. Stulli F. S. *Sobranie povestei i rasskazov*. Saint-Petersburg, 1894.
45. Terdzhiman, 1905. March 29, April 5; 1902. October 21, November 03.
46. Khobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g*. Saint-Petersburg: Aleteiia Publ., 1998.
47. Chebotareva V. G. Nemetskie kolonii Rossiiskoi imperii – «gosudarstva v gosudarstve», in *Etnograficheskoe obozrenie*. 1997. № 1. P. 129–144.
48. Erbe Zh. F. Zh. *Frantsuzy i russkie v Krymu. Pis'ma frantsuzskogo ofitsera k svoei sem'e vo vremia Vostochnoi voiny 1853–1855 gg*. Minsk: Tipo-litografiia Kh. Ia. Dvorzhetsa Publ., 1894.
49. Brandes D., Sundhausen H., Troebst S. *Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts*. Wien – Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 2010.
50. Lazzarini E. J. Local Accomodation and Resistance to Colonialism in Nineteenth-Century Crimea, in *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 169–188.
51. Pallas P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1793*. Bd. I – II. Zweiter Band. Leipzig: Martini, 1801.
52. Reise in die Krym und den Kaukasus von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot, Dr. Med. Mit Kupfern und Karten. Bd. I. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1815.
53. Williams B. G. *The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden – Boston – Köln: Brill. 2001.